

© 2008 г.

В.Л. МУСАТОВ

ЯНОШ КАДАР: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПУТЬ

В Венгрии после смены общественно-политического строя и кардинального переосмотра оценок драматических событий осени 1956 г. продолжаются дискуссии вокруг периода социалистической Венгрии и роли многолетнего руководителя страны и правящей компартии – Венгерской социалистической рабочей партии – Яноша Кадара. Разброс мнений весьма велик. В этой связи можно только приветствовать факт проведения в июне 2007 г. в Будапеште международной научной конференции, посвященной анализу политического пути Яноша Кадара, одного из крупнейших партийно-государственных деятелей Венгрии прошлого века, чье влияние ощущается и по сей день. В мае 2007 г. Я. Кадару исполнилось бы 95 лет. Об этой дате вспомнили только ветераны-коммунисты. Социалистическая партия не проводила никаких мероприятий. Но вот ФИДЕС (Союз молодых демократов – Гражданский Союз) – парламентская правоцентристская партия сочла необходимым организовать на базе своего Института "XX век" международную научную конференцию о Кадаре.

В течение ряда лет в 70–80-х годах у меня была возможность лично общаться с венгерским руководителем, поскольку, работая в МИД СССР и в аппарате ЦК КПСС, я занимался отношениями с Венгрией и другими социалистическими странами. В рамках научных исследований мною были подготовлены и опубликованы различные материалы о советско-венгерских отношениях, статьи о некоторых проблемных моментах венгерской истории в XX в., в том числе изданы монография и несколько работ о бурных событиях осени 1956 г., которые сейчас в Венгрии называют революцией. Естественно, меня не могла не интересовать харизматическая личность Яноша Кадара, его политическая судьба и роль в истории Венгрии.

Уже после его смерти в 1990 г. журнал "Новая и новейшая история" напечатал мой документальный очерк "Янош Кадар и время реформ в Венгрии"¹. По моему мнению, основные положения этой публикации сохраняют актуальность. Но за истекший период в Венгрии многое изменилось. Принимая приглашение на научную конференцию в Будапешт в июне 2007 г., я понимал, что моя точка зрения, вероятнее всего, будет отличаться от мнения большинства выступающих на конференции. Отмечу, что несогласие, разница подходов, конечно же, проявились, но враждебного отношения к моей точке зрения не чувствовалось. Объективно говоря, выступление единственного представителя из России привлекло внимание как участников конференции, так и средств массовой информации Венгрии. Контакт с аудиторией, вероятно, способствовало и то, что выступления мои проходили на венгерском языке.

Но прежде чем перейти к анализу политики Кадара вкратце напомним его биографию. Жизнь его была полна драматических моментов и изломов. Его настоящее имя

Мусатов Валерий Леонидович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН, Чрезвычайный и Полномочный посол.

В основу настоящего очерка положено выступление на конференции в Будапеште 15 июня 2007 г. Оно было опубликовано в сборнике материалов этой конференции, а также в журнале: "Eszmelet", 2007, № 75.

¹ *Мусатов В.Л.* Янош Кадар и время реформ в Венгрии. – Новая и новейшая история, 1990, № 3.

Янош Черманек. Родился он 12 мая 1912 г. в г. Риека на территории нынешней Хорватии. Рано начал трудовую деятельность. Окончил только 4 класса муниципальной школы. С 16 лет участвовал в рабочем, социал-демократическом движении Венгрии. С 1931 г. – член Коммунистической партии Венгрии (КПВ), по заданию этой партии работал в молодежных социал-демократических организациях, подвергался арестам. В 1940–1941 гг. участвовал в воссоздании разгромленной хортистской полицией подпольной компартии. С 1942 г. – член ЦК, с начала 1943 г. – секретарь компартии Венгрии. После освобождения Венгрии от фашизма стал членом Политбюро ЦК КПВ, в 1946 г. заместитель Генерального секретаря КПВ. Фамилию Кадар принял в 1945 г. Входил в состав высшего руководства Венгерской партии трудящихся (ВПТ), созданной в 1948 г. путем объединения коммунистов и социал-демократов. В 1948–1951 гг. – министр внутренних дел, затем секретарь, зав.отделом ЦК ВПТ. Весной 1951 г. на основе обвинений, сфабрикованных по указанию тогдашнего руководителя ВПТ М. Ракоши, арестован и приговорен к пожизненному тюремному заключению. Через год после смерти Сталина, в 1954 г., Кадар был полностью реабилитирован и вновь стал заниматься партийной работой. В июне 1956 г. в условиях общественного кризиса в стране избран членом Политбюро и секретарем ЦК КПВ. 31 октября 1956 г. стал первым секретарем Временного ЦК новой партии, созданной вместо распущенной ВПТ, – Венгерской социалистической рабочей партии (ВСРП). Одновременно являлся государственным министром в правительстве И. Надя.

В обстановке хаоса в стране и после консультаций в Москве 4 ноября 1956 г. Кадар с группой товарищей проявил инициативу по созданию временного Венгерского революционного рабоче-крестьянского правительства. Главой правительства Венгрии оставался до 1965 г. (с перерывом в 1958–1961 гг.). До мая 1988 г. – бессменный Первый (Генеральный) секретарь ЦК ВСРП. С 22 мая 1988 г. – Председатель ВСРП. 8 мая 1989 г. освобожден от всех партийных постов. Умер 6 июля 1989 г. в Будапеште на 78-м году жизни.

За последнюю четверть века мне, как и ряду других советских специалистов-международников, довелось много раз видеть Кадара, наблюдать его в ходе различных советско-венгерских встреч и многосторонних переговоров, сопровождать во время поездок по нашей стране. Не буду говорить за других, кто также его знал, но выражу свое мнение – он был одним из наиболее ярких и одаренных партийных и государственных деятелей социалистических стран, харизматической личностью, пронзительным и многоопытным политиком европейского масштаба.

В моем понимании его потенциала, будь для этого подходящие условия, хватило бы не только для Венгрии. Кадар представлял собой тип просвещенного европейского рабочего лидера, прошедшего через горнило подпольной борьбы в рядах компартии и одновременно легальной работы в рамках социал-демократии. Условия капитализма и фашизма он знал не понаслышке. Верил в интернациональную солидарность трудящихся, в торжество социалистических идей. Эту веру не смогли поколебать ни буржуазные тюрьмы, ни несправедливый судебный приговор 1951 г., ни потрясения осени 1956 г. Коммунисту, говорил Кадар, приходится переносить многие испытания, но особенно тяжелы три. Первое – когда коммунист попадает в руки классового врага, переносит пытки и издевательства. Второй трудностью для революционера, коммуниста оказывается испытание властью. Далеко не все проходят его. Но тяжелее всего, когда коммуниста противопоставляют собственной партии и государству, рассматривают его в качестве врага, предателя. Полагаю, что Кадар, пройдя через все эти испытания, остался человеком и оптимистом.

Конечно, само название конференции в Будапеште "Я. Кадар (1912–1989). Что нам делать с ним?" отражает разногласицу в венгерском обществе. Открывая конференцию, ее организатор – директор музея "Дом террора" М. Шмидт сказала, что имя Кадара стало символом целой эпохи, он определял ее характер и облик, он оставил свой след и на последующих десятилетиях. Она заявила, что в Венгрии "есть те, кто и сейчас придерживается его наследия, есть такие люди, которые некоторое время стояли за Када-

ра, а ныне демонстративно отвернулись от него. И, конечно, среди нас есть много таких, кого Кадар довел до нищеты, сделал сиротами и вдовами, кого на долгое время загнал в тюрьму, кому сломал жизнь и кого десятилетиями считали гражданами второго сорта". По мнению М. Шмидт, "если бы в 1964 г. Кадар утратил власть вместе с Н.С. Хрущевым, то в венгерской истории его упоминали бы в числе организаторов самых жестоких массовых убийств. Но после репрессий 1956–1958 гг. и проведенной затем широкой амнистии он еще на 25 лет сохранял власть. Он консолидировал, укрепил и для многих людей сделал приемлемой и не вызывающей сомнений венгерскую версию социализма: кадаризм". И, пытаясь определить рамки дискуссии на конференции, М. Шмидт охарактеризовала Кадара как, с одной стороны, убийцу, а с другой – как постоянно лавирующего народного вождя так называемой мягкой диктатуры, за время правления которого, несмотря на социализм, жизнь в стране стала вполне сносной. Обвиняя Кадара в соглашательстве, предательстве, политической трусости, властолюбии и прагматизме, она все-таки признала, что он со временем стал хорошим политиком, поскольку принес своему народу благополучие, а его система в 70-х годах определенно приняла человеческое лицо.

Оценки других выступавших на конференции в основном совпадали в части осуждения действий Я. Кадара в 1956 г., его ответственности за репрессии против участников восстания, за проведения судебного процесса против Надя и его сторонников. Кто-то, например, директор Института революции 1956 г. Я. Райнер, не отрицая в целом достижений политики Кадара в 60–70-е годы, пытался подвергнуть сомнению ее новаторский характер, усомниться в том, был ли вообще лидер ВСРП реформатором в отличие от Имре Надя. Политолог Ш. Соради (в 80-е годы секретарь ЦК комсомола Венгрии) подчеркнул, что фигура Кадара неудобна нынешней власти не только из-за изменившегося отношения к 1956 г., но и потому, что в стране затягивается переходный период и за 16 лет со времени смены общественного строя не удается достичь результатов, сравнимых как с консолидацией, проведенной под руководством Кадара, так и с той, что осуществил в 20-е годы прошлого века регент Венгрии М. Хорти. В этом, как отметил ученый, заключается большая проблема. Для такой небольшой страны, как Венгрия, всегда важно, кто из великих держав является ее союзником, так как от этого зависит возможность достижения национальных целей. По его оценке, нынешняя политическая элита страны, входящей теперь в НАТО и ЕС, имеет незначительный международный вес. И не следует искать причины этого в наследии Кадара или в неудачном переходе от прежнего общественного строя. Политолог из Англии Роджер Гау, автор монографии, переведенной на венгерский язык и озаглавленной: "Янош Кадар: хороший товарищ?"² анализировал основные моменты политики Кадара в 60–70-е годы. По его оценке, Венгрия в политическом смысле не была тогда каким-то исключением в социалистическом лагере, но все-таки являлась "самым веселым баракком". Политический курс Кадара был подвержен всем воздействиям, которые проявлялись внутри социалистического сотрудничества, но венгерский лидер всегда знал границу, за которую ему нельзя было переступать, не подвергая опасности достижения консолидации после разгрома восстания 1956 г. и свой авторитет. Р. Гау подчеркнул, что Кадар умело выступал на международной арене, особенно начиная с Хельсинкской конференции 1975 г., но следил за тем, чтобы не противопоставлять тесные отношения с Советским Союзом необходимости развивать политические контакты, экономические и финансовые связи с капиталистическим странами. Венгерский исследователь М. Калмар отметила, что хотя Кадар не был ни теоретиком, ни философом, он имел свое представление о социализме, которое включало стабильную политическую систему и общество благосостояния с не очень большой дифференциацией в доходах и социальном статусе. Когда общество отождествляло себя с этой концепцией социализма, это обеспечивало легитимность всей политической системы кадаризма. Как и другие участники конференции, выступавшие с объективных позиций, она отметила необходимость научного анализа строя, при кото-

---

² Gough R. A Good Comrade Janos Kadar. Communism and Hungary. London, 2006.

ром жила страна после 1956 г., и анализа политического и идеологического наследия Кадара ради рассеивания мифов и мистификаций.

С учетом атмосферы на конференции в Будапеште я считал прежде всего необходимым выразить отношение к политике Кадара, так сказать с российской точки зрения, и высказаться по некоторым дискутируемым вопросам. Я подчеркнул, что среди участников конференции мне довелось, кажется, больше всех встречаться с Кадаром, беседовать с ним на различные темы, наблюдать его в различной обстановке как официальной, так и неофициальной. Впервые я увидел Кадара в 1963 г. в Москве. Позднее много общался с ним во время моей работы в аппарате ЦК КПСС (1966–1973 гг.), потом в посольстве СССР в Венгрии. Затем с 1984 г. я вновь работал в аппарате ЦК, где до конца 1988 г. являлся заведующим сектором Венгрии и Румынии Отдела ЦК КПСС, а позже стал заместителем заведующего Международным отделом ЦК КПСС. В силу своих служебных обязанностей сопровождал Кадара во время его визитов в Советский Союз, видел его на различных международных встречах в Москве и других столицах социалистических стран. Горжусь тем, что во время своих приездов в Будапешт почти всегда имел возможность, хотя бы накоротке, повстречаться с Первым секретарем ЦК ВСРП. Был свидетелем трех важных моментов в жизни Яноша Кадара и в истории Венгрии – его беседа с Л.И. Брежневым в Завидово в феврале 1972 г., переговоры с М.С. Горбачевым в сентябре 1985 г. в Москве и последний телефонный разговор с Генеральным секретарем ЦК КПСС в мае 1988 г., на котором я присутствовал вместе с В.А. Медведевым.

Моя последняя встреча с Кадаром состоялась в Будапеште в июне 1988 г., когда в личной беседе он просил меня передать Горбачеву, что майская партконференция ВСРП прошла не так, как он замыслил, поскольку имел место "заговор и предательство партаппарата".

Присутствовал я и на похоронах Кадара в июле 1989 г. (от КПСС в Будапешт тогда прибыли член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Е.К. Лигачев и секретарь ЦК КПСС А.Ф. Добрынин). С Кадаром прощались десятки тысяч людей, народу было не меньше, если не больше, чем на перезахоронении И. Надя. Люди чувствовали, что уходит историческая эпоха.

Отношусь к Яношу Кадару с симпатией, считал и считаю его, несмотря на нынешний антикоммунистический хор, выдающимся политическим деятелем послевоенной Венгрии и Европы. Уважал его, но, разумеется, не склонен идеализировать и как человека и как политика. Но сам факт, что Кадар стоял во главе своей страны более 30 лет, уже позволяет судить о нем как о талантливом, умном и расчетливом политике, который умел выражать и отстаивать интересы Венгрии, своего народа и своей партии. Нельзя забывать, что в венгерском народе он был популярен. Опросы общественного мнения до сих пор свидетельствуют о том, что он входит в тройку самых почитаемых политиков Венгрии. Он пользовался большим авторитетом и за рубежами своей страны. Его известность и популярность в Советском Союзе были связаны с быстрой консолидацией в Венгрии после трагедии 1956 г., личным вкладом в дружбу наших стран. Наши люди помнили его крылатую фразу из выступления на XXIII съезде КПСС "Антисоветского коммунизма не было, нет и никогда не будет"³. Но в то же время в политике Кадар был реалистом, поэтому он не любил тех, кто пытался на 130% (его выражение) перевыполнять нормы венгеро-советской дружбы, монополизировать дело дружбы двух народов. Можно сказать, что наша общественность выделяла Кадара среди других руководителей стран социалистического содружества, к его мнению прислушивались. Это проявлялось и среди трудящихся и среди интеллигенции в нашей стране.

Для анализа политики Кадара важно правильно оценить его взаимоотношения с советскими лидерами. О нем как о члене Политбюро ЦК ВПТ в Москве знали, конечно, и до событий 1956 г. Правда, он посетил Советский Союз только один раз в составе партийной делегации в 1948 г. Однажды в неофициальной обстановке он рассказал, что то-

³ Советско-венгерские отношения. 1948–1970. М., 1974, с. 405.

гда единственный раз в своей жизни видел И.В. Сталина на трибуне мавзолея. Кадар не относился к группе так называемых москвитов в правящей партии, т.е. не жил в эмиграции в СССР, не проходил учебу в школах Коминтерна, не говорил по-русски, хотя многое понимал без перевода. Он – воспитанник венгерского рабочего и социалистического движения, участник коммунистического подполья. После освобождения страны от фашизма занимал важные посты в партии и государственном аппарате. При вынужденной замене высшего руководителя ЦК ВПТ М. Ракоши в июле 1956 г. в тогдашней предкризисной обстановке кандидатура Кадара на высший пост, как известно, возникла, но в советском руководстве кое-кто полагал, что в нем может затаиться обида за необоснованный арест и четырехлетнее пребывание в тюрьме (1951–1954 гг.). Большинство в венгерском Политбюро в тот момент высказалось за избрание первым секретарем Э. Гере. Ошибочность этого шага вскоре стала совершенно очевидной, и Хрущев позднее признавал, что надо было ориентироваться на Кадара.

"Звездный час" Яноша Кадара – это осень 1956 г. Я не касаюсь сейчас вопроса о том, что тогда происходило в Венгрии: контрреволюция, национально-освободительная революция, народное восстание или мятеж. Споры продолжаются, хотя, разумеется, ученые считают с тем, что парламент Венгрии в 1990 г. объявил события 1956 г. революцией и борьбой за свободу. Дата 23 октября является национальным праздником Венгрии. Президент России Б.Н. Ельцин, выступая в парламенте Венгрии осенью 1993 г., осудил советское вторжение в Венгрию 1956 г. и принес извинения венгерскому народу. В.В. Путин во время визита в Будапешт весной 2006 г. отметил, что в юридическом смысле Россия не несет ответственности за действия Советского Союза, но все мы испытываем моральную ответственность.

Но, по моему мнению, в событиях того времени основное заключалось в том, что Венгрия в трагические дни октября–ноября 1956 г. погружалась в хаос, управляемость страной исчезала, а будущее народно-демократической Венгрии становилось призрачным. Правительство плелось в хвосте за потоком уличных событий. Не было никакой уверенности в том, что коммунисты, левые силы могли бы выиграть свободные выборы, которые планировалось назначить в ноябре. Решение премьер-министра Имре Надя о разрыве с Варшавским Договором и о провозглашении нейтралитета страны объективно вело к советской интервенции, поскольку в ином случае нарушалось равновесие сил в Европе и отбрасывались Потсдамские договоренности великих держав-победительниц во Второй мировой войне. Было очевидно, что Надя не может вывести страну из тупика, контакты с Москвой у него нарушились, а своей путаной речью на рассвете 4 ноября в момент второго ввода войск Советской Армии он только усугубил обстановку. А сам с группой соратников и членов семей спрятался в югославском посольстве. Когда в Венгрии сейчас говорят, что Кадар, порвав с правительством Надя и согласившись возглавить Временное правительство, совершил предательство, что он – Иуда, убийца и палач своих товарищей, то это все не более чем выступления на эмоциональной основе или сугубо идеологизированные оценки. (В скобках замечу, что каждая точка зрения имеет право на существование, но ее надо доказывать). Историческая правда состоит в том, что в конце октября 1956 г. в Москве и других столицах социалистических стран, включая Китай и Югославию, решение венгерского кризиса виделось в вооруженном подавлении восстания и срочной замене правительства. При этом Москва и ее союзники в условиях англо-франко-израильской агрессии против Египта сознательно закрывали глаза на совершаемое ими нарушение норм международного права.

Попытаемся оценить роль Кадара в тех кризисных событиях. Москва стояла перед труднейшим выбором. Обстановка в Венгрии не улучшалась, начались расправы с коммунистами, веры в Имре Надя и его коалиционное правительство не было. А вот Кадар как партийный руководитель вел себя более реалистично. Об этом свидетельствовала и его речь по радио 1 ноября 1956 г., в которой он сообщил о создании новой партии взамен распавшейся ВПТ и предупредил об опасности контрреволюции. Я. Кадара вместе с министром внутренних дел Ф. Мюннихом, старым коммунистом-интернационалистом, давно известным в Кремле, срочно на самолете доставили в Москву для консультаций.

Фактически это были смотрины двух наиболее очевидных кандидатов на пост главы нового правительства Венгрии. После двух дней дискуссий на заседаниях Президиума ЦК КПСС Хрущев, только что вернувшийся с секретных переговоров с Тито на острове Бриони о венгерской ситуации, наконец, решил, что новое правительство должен возглавить именно Кадар, а не Ракоши или кто-то из его "бригады", но и не Мюнних. Маршал Г.К. Жуков торопил товарищей по Президиуму: "решайте быстрее, танки уже разогревают двигатели, а у вас еще нет главы правительства". Известно, что Кадар согласился возглавить Временное революционное рабоче-крестьянское правительство не сразу. Он говорил о том, что политический путь предпочтительнее, вооруженное подавление восстания приведет к полной амортизации авторитета коммунистов. Когда же он согласился встать во главе нового правительства, то назвал свои условия – не буду советской марионеткой (это доподлинный факт, зафиксированный в протоколе заседания. А мне об этом рассказывал также офицер – ветеран КГБ, сопровождавший Кадара из Будапешта в Москву и обратно), советским товарищам нельзя ориентироваться, как в недавнем прошлом, только на одну узкую группу венгерских руководителей, нельзя допускать к власти ракошистов. И. Надь должен уступить, отойти в сторону. Все это Кадару было обещано, включая и поддержку Надем нового правительства. Югославы обещали уговорить И. Надя. Кадар понимал, что берется за труднейшее дело. Он знал, что цветов и аплодисментов в Венгрии не получит. Позднее он говорил Брежневу, что тогда вообще не знал, останется ли жив, настолько сложной была обстановка в стране.

Английский историк Б. Картледж дает любопытное объяснение, почему Кадар согласился на поездку в Москву. По его мнению, Кадар, исходя из интересов своей партии, хотел лично разъяснить советскому руководству подлинную картину того, что происходит в Венгрии. На переговорах в Москве он дал реальную оценку положения дел в стране, но вместе с тем убедился в том, что советские руководители полны решимости подавить восстание. После беседы с Хрущевым Кадар понял, что венгерская компартия может быть восстановлена только таким руководителем, которому доверяет Кремль и что судьба отвела ему такую роль⁴.

Трудно согласиться с теми, кто считает, что Кадар принял решение встать во главе нового правительства из трусости, под советским давлением. Он, несомненно, проявил политическое мужество, возглавив усилия по выводу Венгрии из катастрофы. Разумеется, он действовал под советским протекторатом. А разве в тех условиях могло быть иначе? Хрущев как "крестный отец" помогал ему, хотя в Москве и в Будапеште было немало противников Кадара. Вновь создаваемая партия – ВСРП вначале пользовалась небольшой поддержкой, думаю, не более 30% населения страны. Для того, чтобы 1 мая 1957 г. на демонстрацию и митинг в Будапеште и других городах вышли до 1 млн. человек, новой власти нужно было крепко поработать и главное завоевать доверие. По мере консолидации обстановки и восстановления общественного согласия рос авторитет Кадара в стране и в мире, в том числе и в Советском Союзе. Успешно развивались советско-венгерские отношения. Венгрия стала одним из уважаемых государств социалистического содружества, к ее голосу прислушивались в Европе. В этом была заслуга прежде всего кадаровского руководства. Руководители Советского Союза Н.С. Хрущев, Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропов считали, что в лице Кадара в 1956 г. было найдено стратегически верное решение, эффективно действовавшее в течение многих лет. Об этом же написал Горбачев в своем поздравительном письме Кадару в 1986 г. по случаю 30-летия пребывания того на посту руководителя ВСРП. "Старик", как его называли в партии, не дал согласия на публикацию этого письма в печати, оно было опубликовано только в бюллетене Агитпропотдела ЦК.

В глазах Москвы Кадар был настоящим коммунистом – антифашистом, интернационалистом, верным союзником, опытным руководителем. В 1964 г. он был удостоен звания Героя Советского Союза. Позже был награжден орденами Ленина и Октябрьской

---

⁴ *Cartledge B. The Will to Survive. A History of Hungary. London, 2006, p. 486.*

Революции. В высшем советском руководстве с ним считались, советовались, интересовались его мнением. Так было, например, во время кризисов в Польше, Чехословакии или в период обострения советско-китайских отношений. Кадару и руководимой им ВСРП была доверена важная роль в подготовке всемирного Совещания компартий 1969 г.

Кадар понимал место и роль Советского Союза и КПСС, поэтому стремился поддерживать хорошие личные отношения с советскими лидерами, от Хрущева до Горбачева. В этом он видел, прежде всего, эффективное средство служения национальным интересам Венгрии. Конечно, во взаимоотношениях Кадара и советских лидеров имелось много нюансов. Как он сам говорил, самые теплые и дружеские отношения были у него с Хрущевым. Причем главный критерий для него заключался в том, что Хрущев понимал венгров. А вот, например, для Брежнева Кадар порой бывал слишком тонок для понимания, но в целом они находили общий язык и относились друг к другу с уважением. Он был снисходителен к известным слабостям Брежнева. Он заплакал, когда мы с послом В.Н. Базовским сообщили ему о смерти Генерального секретаря ЦК КПСС еще до официального сообщения в Москве. Особо прислушивался к мнению Кадара Андропов, который хорошо знал его с 1956 г., ценил его и понимал, что руководитель Венгрии лучше, чем в Москве, чувствует позиции европейцев или своих соседей. Когда Андропов был избран Генеральным секретарем ЦК КПСС, Кадар в своем кругу пошутил, что вот, мол, впервые в истории представитель финно-угорского народа (Андропов когда-то работал в Карелии) стал высшим руководителем Советского Союза. Андропов поддерживал многолетние доверительные контакты с Кадаром, ему он, например, рассказывал и о своей тяжелой болезни, унесшей его в могилу. Кадар мог поделиться с Андроповым тем, о чем он никогда не стал бы говорить с Брежневым. Что касается Горбачева, то он познакомился с венгерским лидером еще в свою бытность первым секретарем Ставропольского крайкома КПСС. В 1983 г. Михаил Сергеевич приезжал в Венгрию изучать опыт сельского хозяйства. Горбачев нередко ссылался на венгерский опыт реформирования экономики, демонстрировал уважение к Кадару, но больше любил говорить сам, чем слушать собеседника. (В июле 2007 г., выступая в Будапеште на юбилее бывшего премьер-министра Д. Хорна Горбачев сказал, что венгры еще оценят по достоинству роль Кадара. Лично у него с Кадаром не было противоречий. Кадар, дескать, критиковал его только за то, что перестройка в Советском Союзе не началась лет на десять раньше). Но визит Горбачева в Венгрию летом 1986 г. по сути дела подтолкнул процесс отстранения Кадара от высшего поста в ВСРП и переход на почетный отдых. Люди сравнивали двух руководителей и видели, что значат молодость и энергия. Они бурно приветствовали молодого советского лидера.

В отношениях с руководителями Советского Союза Кадар не был марионеткой, он держался с достоинством и к нему относились с уважением. Однако разницу в положении двух стран и партий и меру своей ответственности он знал. Если в 1956–1958 гг. со стороны некоторых представителей Кремля были попытки управлять Кадаром, поучать его, вмешиваться во внутренние дела, то позже все это практически прекратилось. Кадар обычно говорил о советских представителях в Будапеште, что он работает с теми, кого к нему присылает Москва. Но он умел ставить зарвавшихся людей на место, убирать даже неквалифицированных советских послов (Штыков, Денисов). Для него авторитетом мог быть только Генеральный секретарь ЦК КПСС. Можно привести примеры стычек с А.Н. Косыгиным, А.П. Кириленко или К.Ф. Катусевым, они во многом объяснялись тем, что члены Политбюро и секретари ЦК КПСС считали себя по положению во всяком случае не ниже руководителя восточноевропейской социалистической страны. Что касается взаимоотношений с Косыгиным, то Кадар уважал его большие знания и опыт хозяйственной работы, но не соглашался с резкими оценками и высказываниями. В Венгрии примерно таким же человеком по характеру был глава правительства Е. Фок, поэтому Кадар как-то сказал Брежневу, что он не доверил бы дело венгеро-советской дружбы двум таким вспыльчивым людям.

Кадар при случае мог в той или иной форме высказывать несогласие с советской позицией. Примеров тому много. О форме снятия в 1964 г. Хрущева с занимаемых должностей, причем он сделал это публично, а затем объяснил свою позицию в отдельном письме на имя Брежнева, а также остановился на этом вопросе в беседе с советским генсеком. Критически высказывался по поводу постоянного увеличения военных расходов, известны его слова А.П. Кириленко и Д.Ф. Устинову об излишнем количестве танков в Советской Армии: "Вы всегда держите военной техники в два раза больше, чем требуется". Критиковал советские подходы к реформированию СЭВ, спрашивал, почему не сразу была опубликована достоверная информация о масштабах Чернобыльской катастрофы. В неофициальных разговорах выражал недоумение, почему так непродуманно обошлись со Сталиным и т.д. Был недоволен тем, как была проведена совместная акция в Чехословакии в августе 1968 г. и из-за этого не поехал в Варшаву в ноябре 1968 г. на съезд ПОРП, где должна была состояться встреча с Брежневым. Относительно ввода советских войск в Афганистан пошутил, что, мол, надо ценить то, что Москва проинформировала своих союзников на час раньше, чем Вашингтон. Во время обострения контактов Советского Союза с Западом из-за ракет средней дальности Кадар осуществил целую программу встреч с лидерами западноевропейских стран, стремясь сохранить внешнеполитические и экономические связи. О своих намерениях он сообщил в Москву, принципиальных возражений не последовало. Точно знаю об этом, ибо мне как Временному поверенному в делах СССР в Венгрии в тот момент позвонил по закрытому телефону А.А. Громько и просил передать Кадару только одно пожелание руководства Советского Союза, чтобы эти контакты на высшем уровне проходили не одновременно, а были немного растянуты по времени.

В общем это был авторитетный и уважаемый руководитель, который добился определенной автономии в рамках социалистического содружества. Во внутренней политике с учетом трагического опыта 1956 г. это находило выражение в политике регулярного повышения жизненного уровня, эффективных нововведениях в аграрном секторе и в кооперативном движении, благодаря чему страна была обеспечена собственным продовольствием и осуществляла экспорт сельхозпродукции, в том числе и в Советский Союз. Но самым, пожалуй, большим достижением было проведение экономической реформы 1968 г. К ней готовились давно, первые мысли появились в 1957 г. Но мудрость кадрового руководства проявилась в выборе правильного момента с точки зрения как внутренних, так и международных условий для осуществления реформы хозяйственного механизма. Политическая ответственность, конечно, лежала на Кадаре. Он защищал реформу от критики венгерских леваков, а также от нападок других социалистических стран и Советского Союза. Во многом опасениями за суть политического курса и в частности за судьбу экономической реформы объяснялись метаморфозы позиции Кадара в 1968 г. в связи с событиями в Чехословакии. Реформа привела к подъему экономики и росту благосостояния, она способствовала продвижению к рыночному хозяйству в Венгрии. Несомненно, чистоту эксперимента не удалось выдержать, были допущены ошибки, пришлось идти на компромиссы, в том числе и по политическим причинам. Но именно благодаря наличию многих элементов рыночной экономики Венгрия сравнительно мягко перешла на новые условия развития после смены общественно-политического строя в конце 80-х – начале 90-х годов.

Советские руководители в целом понимали, что в основе успехов политики Кадара после катастрофы 1956 г. лежит улучшение уровня жизни, достижение общественного согласия (знаменитый лозунг "кто не против нас, тот с нами"), большая, чем в других социалистических странах, степень свобод, большая терпимость в культурной сфере (три положения идеологической работы партии – поддержка одних произведений, запрет других и терпимость в отношении третьих) и в религиозной области (именно при Кадаре были урегулированы отношения с католиками и другими конфессиями, заключено соглашение с Ватиканом). Объясняя венгерские особенности, Кадар подчеркивал необходимость говорить народу правду, не допускать разрыва между словом и делом. Он разъяснял в Москве, что ему в маленькой стране легче идти на новшества и эксперименты,

что их результаты могут пригодиться и в Советском Союзе. Известно его высказывание в беседе с итальянскими журналистами о том, что Советский Союз проложил дорогу к социализму как медведь. А вот в Венгрии так делать нельзя, здесь надо работать при помощи более тонких методов. Кадар не торопился с объявлениями побед в социалистическом строительстве. Например, отказывался переименовывать ВСРП в коммунистическую партию, а страну – в социалистическую республику, возражал против провозглашения монопольного положения марксизма-ленинизма в общественной жизни. Он видел недостатки так называемого реального социализма и пытался искать выход. Его постулаты – по мере строительства социализма жизнь должна улучшаться; в одиночку партия ничего не создаст; для формирования нового общества требуется национальное сплочение; необходимо определенное расширение выборной демократии, что и было сделано путем постепенного введения возможности выдвижения двух и более кандидатов на парламентских и местных выборах. Поскольку в стране нет многопартийности (а попытки ее сохранения проявлялись после подавления восстания в 1956 г., но не были поддержаны Москвой), правящая партия должна стать сама себе собственной оппозицией; необходимо иметь клапаны в политическом механизме для снятия избыточного давления; требуется введение элементов рыночного хозяйства и уменьшение сферы директивного планирования. Может быть, сейчас это выглядит схематично (Кадар не был теоретиком), но из подобных здравых и реалистичных попыток складывалась венгерская концепция "социализма с человеческим лицом", причем на практике, а не только в задумках, как у пражских реформаторов в 1968 г.

Совершенно ясно, что Кадар и его политическая команда (а это были способные люди! Назову, например, Е. Фока, Р. Ньерша, Д. Ацела, Л. Фехера или более молодых К. Гроса, Я. Береца, Д. Хорна) в своих поисках натыкались на барьеры и преграды. Советский Союз до 1985 г. проводил в отношении социалистических стран чаще всего политику патернализма, навязчиво опекал союзников, поэтому требовалось согласование с Москвой главных моментов политической линии, а это в условиях действия догматов марксизма-ленинизма сделать было нелегко. Не всегда это удавалось даже Кадару. Один из основных доводов Москвы: "Мы обеспечиваем ракетно-ядерный щит, на нас лежит главная ответственность за сохранение безопасности, мы несем огромные расходы на оборону и в то же время помогаем вам поставками нефти, энергоносителей, сырья по льготным ценам, а империализм пытается подорвать стабильность мира социализма, вырвать отдельные страны из нашего блока, используя тактику наведения мостов. Будьте осторожнее, не промахнитесь!". После совместной вооруженной акции в Чехословакии в 1968 г. и после смены В. Гомулки в Польше настороженность в Кремле по поводу реформ и нововведений в отдельных социалистических странах возросла. Поскольку из Венгрии шли сигналы о неблагополучии вокруг экономической реформы, об обострении споров внутри Политбюро, в феврале 1972 г. в Завидово Брежнев откровенно высказал Кадару замечания по экономической и социальной политике, затронув и вопросы кадровой политики, включая состав Политбюро и ближайшее окружение венгерского руководителя. Звучал рефрен: мы тебе, Янош, верим, но ты посмотри. Кадар принял все это к сведению, обещаний не давал. Бросил одно замечание по поводу обоснованности информации и выводов, что, дескать, поступающую информацию можно оценивать по-разному. Для него главное состояло в том, что ему в тот момент было оказано доверие. Докладывая на Политбюро о своей беседе с Брежневым, Кадар критически отозвался о некоторых оценках обстановки, изложенных с советской стороны, но по ряду замечаний, особенно в политической и социальной сферах, вынужден был согласиться, сказав, что и сам так думает. Как суверенный руководитель он выждал какое-то время и в 1974–1975 гг. провел замены в руководстве партии и правительства. До этого он запустил пробный шар со своей отставкой в мае 1972 г., когда ему исполнилось 60 лет. Этот "шарик" был адресован как своим соратникам, так и Москве – Брежневу. Генеральному секретарю ЦК КПСС демарш Кадара не понравился. В ноябре 1972 г. в Будапеште он сказал Кадару, что, по его мнению, венгерский ЦК поступил правильно, не приняв отставку Кадара: "Мы не можем так поступать, наш долг стоять до конца и

служить нашему общему делу. Это вот Кекконен в Финляндии уйдет в отставку и будет писать книжки анекдотов, сидя в лесу. Но это не для нас".

Были и внутренние ограничители. За внешним фасадом единства в партии и ее ЦК скрывались столкновения мнений, борьба левых и правых, консерваторов и реформистов. Существовала свобода дискуссий в Политбюро, но за Кадаром оставалось последнее слово. Он умел находить развязки в спорах, был мастером компромиссов, но не во вред делу. Как он говорил, за сохранение единства партии нужно бороться, его надо воссоздавать на каждом новом витке политики. По его инициативе оппоненты уходили или отстранялись (например, Д. Марошан, Р. Ньерш, члены "рабочей оппозиции" 1972 г.).

Внешние воздействия не сводились только к мнению Москвы. Вокруг позиции Венгрии проходила порой хитроумная международная игра с участием США или ведущих западноевропейских стран. Наконец, со второй половины 70-х годов начали нарастать экономические трудности, усилилось негативное влияние мировой экономики, происходил рост внешней задолженности. В условиях нефтяного кризиса Советский Союз был вынужден поднять цены на энергоносители. Замедлялся, а затем и к 80-м годам приостановился рост уровня жизни, что стало острой политической проблемой. Кадар, помнивший о трагедии 1956 г., долго не решался на изменение социальной политики, что усугубило диспропорции в народном хозяйстве, а затем привело к нарушению национального консенсуса.

Вступление Венгрии в МВФ и Всемирный банк дало только временную передышку. Попытка Кадара установить более тесные связи с ЕЭС не увенчалась успехом. Канцлер ФРГ Г. Шмидт, с которым приватно советовался венгерский лидер, отсоветовал ему идти на сближение с "Общим рынком", чтобы не раздражать Советский Союз. В 1985–1986 гг. Кадар был готов принять помощь Москвы, о чем он говорил с Горбачевым, но Советский Союз сам переживал трудности и ничего существенного не мог дать Венгрии. Это подтвердила встреча двух глав правительств Д. Лазара и Н.И. Рыжкова в декабре 1986 г.

Возникла еще одна огромная проблема. Со временем, в зените славы Янош Кадар стал рабом собственной политики стабильности. Это касалось практической политики и кадров, привязанности к людям, которые много лет стояли вокруг него. Но еще важнее стало то, что "бессменный руководитель" начал терять чувство реальности, утратил интерес к обновлению политики. Утратил и политическую смелость. Кадар остался один на вершине власти, оппонентов давно не было. А ситуация в стране осложнялась. Он это чувствовал, а выхода не находил. Прежний опыт, в том числе консолидации после 1956 г., не помогал. Умно рассуждая о необходимости плавной и безболезненной смены главного руководителя в соцстранах, он сам стал препятствием на пути обновления и модернизации политики Венгрии. После поездки в Китай в 1987 г. у него, судя по всему, появилась мысль занять в политической жизни место, подобное положению Дэн Сяопина в Китае, возглавив какой-то совет мудрецов, но в Венгрии была другая обстановка, существовали другие традиции.

Ему надо было уходить на отдых в 1980 г., кстати, позже он сам признался в этом, но "Старик" затянул отставку до 1988 г. Может быть, не видел преемника. Вина ложится и на его товарищей по Политбюро, которые не осмеливались говорить Кадару правду в глаза, а все тайком советовались с Москвой (еще хуже была ситуация в ГДР с Э. Хонеккером). Да, и Горбачев мог бы высказаться прямее, а не намеками на то, что Кадару надо беречь себя, лучше распределять время, больше отдыхать и т.д. Как всегда, Горбачев лично не вмешивался, но поручил члену Политбюро, секретарю ЦК В.А. Медведеву и председателю КГБ В.А. Крючкову проследить за сменой высшего руководства в Венгрии. В Москве понимали, что Кадар не хочет уходить как провалившийся политик. При этом не хотелось и обижать Кадара. Но обновление венгерского руководства требовалось и потому, что Горбачев чувствовал – Кадар все больше начинает не разделять его политики перестройки. Например, в сентябре 1985 г. Кадар в ходе переговоров спросил Горбачева, не боится ли он, что с ним повторится история с Хрущевым. Из других источников известно, что он говорил своему преемнику К. Гросу о том, что Горба-

чев ведет Советский Союз к развалу. В частной беседе с руководством Академии наук Венгрии в 1988 г. он сказал, что самая большая проблема в том, что Горбачев не понимает свой собственный народ. В записках А.С. Черняева, помощника Президента и Генерального секретаря ЦК КПСС, упоминается, что его шеф высказывался в том плане, что вот, мол, Кадар и Живков ворчат по поводу перестройки, а у самих кризис надвигается. Или на заседании Политбюро 29 января 1987 г. Горбачев отмечает: "Кадар и Хонеккер не верят, что у нас процесс необратимый" и там же: "Отход от нас есть и у Хонеккера, и у Кадара, и у Живкова. Экономические связи с Западом зашли далеко. Это результат того, что у нас в экономике не получилось"⁵.

Перед майской партконференцией (1988 г.) Кадар позвонил Горбачеву и сообщил о своей готовящейся отставке и планируемом избрании на пост председателя ВСРП. Его собеседник, который давно знал об этом, в ответ сказал, что Кадар, как всегда, принял мудрое решение. Важно, мол, и то, что на переходном периоде все кардинальные перемены проходят под руководством и при участии Кадара. Пожелал успеха Кадару и доброго здоровья. Было условлено не терять контакта, обмениваться информацией. Конечно, это была уже формальность.

Конец жизни Кадара – это чистая человеческая трагедия. Рушилась система, ради которой он трудился всю жизнь. Многие соратники "качались как тростник на ветру". На партконференции в мае 1988 г. делегаты отказали в доверии всем членам бывшего руководства, т.е. выдвиженцам Кадара. Он остался в одиночестве. К тому же все больше прогрессировала болезнь, работать он не мог. Когда начали множиться обвинения в его адрес за 1956 г. и нарастать активность оппозиционных сил, стремившихся отстранить ВСРП от власти, Кадар получил устные приглашения от Горбачева, Ярузельского и Хонеккера приехать на отдых и лечение. Но он отказался. Избранный на декоративный пост председателя ВСРП, а затем фактически брошенный новым руководством партии на произвол судьбы, так как новым руководителям было уже не до Кадара, физически и духовно немощный старик в условиях кардинального пересмотра оценок событий 1956 г. не смог защитить себя. Его эмоциональная речь на пленуме ЦК в апреле 1989 г., куда, вопреки советам генсека партии К. Гросса, он буквально прорвался, чтобы высказаться, была отчаянной попыткой глубоко больного человека. Но в этой речи чувствовалась странная логика. Он ведь сказал, что советским агентом не был и что в 1956–1958 гг. погиб не только Имре Надь, до него погибали люди. Сказал, что он, Кадар, не уклоняется от своей ответственности. Ему жаль всех погибших. Кстати, о числе приговоренных к высшей мере наказания после подавления восстания 1956 г. Кадар в беседе с Горбачевым в сентябре 1985 г. рассказал, что когда суды вынесли такие приговоры примерно 300 участникам вооруженных выступлений, он попросил товарищей остановиться, так как в событиях погибло примерно столько же сторонников народно-демократического строя.

В письме в ЦК апреле 1989 г. он просил по суду прояснить его вину за процесс над Имре Надем, но этого не стали делать. Когда его освободили от обязанностей председателя партии, он спросил жену: "А это еще та партия, которую я создавал?".

По моему мнению, в Венгрии нет документов, доказывающих прямую причастность Кадара к вынесению смертного приговора бывшему премьер-министру, но, видимо, он не приложил усилий по замене высшей меры наказания на более мягкий приговор. Впрочем, это только мое предположение. Историкам еще предстоит раздумывать, что означала формулировка в решении Президиума ЦК КПСС (февраль 1958 г.) относительно судьбы И. Надя – "проявить твердость и великодушие"⁶.

Взаимоотношения Кадара и Надя – тема весьма сложная. Кадар знал, что Надь был человеком Берии, сотрудничал с органами НКВД. Об этом он рассказывал Горбачеву в 1985 г. И об этом, кстати, написал Хрущев в одном из вариантов своих мемуаров. Не мог

⁵ В Политбюро ЦК КПСС. М., 2006, с. 140, 141.

⁶ Президиум ЦК КПСС. 1954–1964, т. 1. М., 2004, с. 293.

Кадар не знает, что в 1951 г. Надь как заведующий Отделом административных органов ЦК подписал вместе с начальником Ведомства госбезопасности предложение об аресте Кадара. Судьба распорядилась так, что премьер-министр Имре Надь, олицетворявший для ВСРП ревизионизм и правый оппортунизм, был казнен за свою роль в событиях осени 1956 г., а М. Ракоши, руководивший партией и страной до июля 1956 г. и виновный во многих прогрешениях и догматических ошибках, был отправлен в СССР на "лечение" и остался там фактически в ссылке до своей смерти в начале 1971 г. Это было одно из жестких проявлений политики Кадара борьбы на два фронта – против догматизма и против ревизионизма по тогдашней терминологии.

Кем же был Янош Кадар? После смены строя в Венгрии все дискуссии крутятся вокруг переоценки событий 1956 г. Через эту призму оценивается и роль Кадара, тем более что высшее руководство Венгерской социалистической партии сделало акцент на наследие Имре Нады как на идейное знамя (понятно, что у социалистов в арсенале нет К. Маркса и Ф. Энгельса, В.И. Ленин теперь стал русским явлением, Кадар не годится, в нынешнем Социнтерне тоже нет вождей). Получается, что левым не нужен великий предшественник. Но ведь в 1956 г. Кадар, хотя и ценой жертв, все-таки вывел страну из катастрофы, а затем обеспечил экономический и социальный подъем. В событиях 1956 г. неразрывно связаны две исторические фигуры – И. Надь и Я. Кадар. Это две стороны одной медали. Есть какая-то мистика в том, что Надь был реабилитирован судом в день смерти Кадара. И при этом следует отметить, что сейчас в Венгрии поют славу только Имре Наду, хотя в 2006 г., когда отмечалось 50-летие революции 1956 г., настоящим бестселлером стал двухтомник известного писателя Д. Молдовы о Кадаре. Если же смотреть шире, оценивать ретроспективно, то из трагического треугольника Ракоши – Надь – Кадар именно Кадар больше всех сделал полезного для Венгрии. Сейчас называют его предателем, двуликим Яношем, но если проанализировать требования участников восстания 1956 г., то ведь в политике Кадара они все, шаг за шагом, были реализованы в жизни, за одним исключением – вывод советских войск из Венгрии состоялся только в 1991 г. С его именем связывались успехи страны в 60–70-е годы, рост благосостояния, укрепление международного авторитета Венгрии.

В кризисные дни осени 1956 г. после раздумий и колебаний, обратившись к помощи СССР и порвав с правительством Нады, терявшим контроль над обстановкой, Кадар взял на себя руководство и вывел страну из политического кризиса, не допустил гражданской войны, хотя ему пришлось применить весьма непопулярные, жесткие меры. Оставаясь на марксистской основе, взяв на вооружение идеи венгерских политиков – реформаторов, соединив их со своим реалистическим, прагматическим подходом, Кадар постепенно устранил вопиющие проявления казарменного социализма в Венгрии и по мере созревания условий начал осуществление реформ, призванных демократизировать социалистическое общество, модернизировать его.

Под его руководством страна на рубеже 60-70-х годов добилась больших успехов, стала своего рода пионером социально-экономических преобразований. Кадар приобрел славу авторитетного социалистического политика с суверенным мышлением и оригинальным стилем. Вместе с тем кадаризм как система политических технологий и серия реформ имел объективные исторические лимиты. На фоне застоя в СССР, неудачной попытки Пражской весны 1968 г. и осложнений, связанных с культурной революцией в Китае, венгерские реформы не получали внешней поддержки, более того, наталкивались на сопротивление. К тому же эксперименты проходили на базе постсталинской модели и в условиях сохранения руководящей роли или иными словами монопольного положения ВСРП.

В советской перестройке Кадар увидел сначала шанс для обновления социализма, но практический ход преобразований Горбачева вызвал у него, многоопытного и осторожного политика, большие сомнения. Будучи в преклонном возрасте и пройдя пик своего влияния, с опозданием поняв, что его время прошло, он пытался перед уходом в отставку внушить своим соратникам необходимость сохранения единства партийного руководства и постепенного продвижения вперед на основе сочетания преемственности и обнов-

ления прежней политики. По существу это была идея революции сверху при сохранении политической роли компартии, которая должна была бы объединять все остальные конструктивно настроенные политические силы и течения. Но новое руководство, раздираемое противоречиями и личными амбициями, не сумело обеспечить единства в реализации политики плавного обновления общества, в адаптации к новым условиям. Причин для этого было много – сложная социально-экономическая ситуация, недовольство населения, отсутствие поддержки со стороны Советского Союза, который погружался в кризис и сдавал свои позиции лидера. Усиливалось воздействие США и западных стран на внутреннюю ситуацию социалистических стран, что стало совершенно ясно после встречи на Мальте Горбачева и президента США Дж. Буша-старшего. Подоспевший пересмотр оценки событий 1956 г. подорвал основы легитимности ВСРП и режима власти, способствовал нарастанию волны критики политики коммунистов в послевоенный период, их ответственности за предкризисное состояние страны. Это не могло не затронуть негативно всей деятельности Кадара. Критика в его адрес была как справедливой, так и тенденциозной. Новые руководители партии начали дистанцироваться от него, пытаясь сбросить "балласт из гондолы воздушного шара", как объяснял ведущий реформатор того времени И. Пожгаи. На практике такое поведение мало в чем помогло, ВСРП пошла на уступки оппозиции, сама видоизменилась, а затем в 1990 г. проиграла выборы. Но радикальные демократические перемены в Венгрии в целом прошли в обстановке относительной стабильности, эволюционным путем, на условиях договоренности главных политических сил. В этом ощущалось влияние опыта трех десятилетий кадаровского правления, в том числе и рыночных преобразований в экономике.

Кадар был и остается выдающимся венгерским политиком, его нельзя выкинуть из истории, он оставил заметный след в истории Европы XX в. Его роль и значение отнюдь не меньше, чем таких венгерских политиков, как М. Хорти, И. Бетлен или П. Телеки, кому сейчас ставят памятники в Венгрии. Очевидно, проблема в том, что Кадар – венгерский коммунист. Замечу, что Кадар всегда оставался венгром, венгерским коммунистом. Вспомним хотя бы его речь в 1975 г. на Хельсинкской конференции по безопасности в Европе, когда он открыто сказал о территориальных потерях Венгрии. Сейчас сводя счеты с ним, пытаются очернить левые взгляды, политику левых партий, идеи социализма. Вытаскивая противоречивые факты из политической деятельности Кадара (а он, конечно, не был ангелом, но за 32 года правления можно много чего найти у любого политика), пытаются запугать население, дезориентировать молодое поколение, которое не слишком много знает о периоде социализма в Венгрии. Активизируя дискуссии вокруг личности Кадара, кое-кто стремится заклеить социалистический период в истории Венгрии. Нечто похожее происходит в Польше, где возобновляются попытки осудить бывшего президента Польши генерала В. Ярузельского и весь предшествующий строй. В Венгрии накануне 95-летия Кадара осквернили его с женой общую могилу. Никогда не думал, что в Венгрии могут произойти подобные вещи, напоминающие мрачное средневековье.

Разумеется, дискуссии о политическом пути Кадара надо продолжать, историки должны спорить, не развешивая ярлыки и не опускаясь до сплетен. Но я убежден, что Венгрия еще воздаст должное Яношу Кадару. С великими сынами своих народов надо обходиться более бережно и уважительнее. И у нас в России наблюдается много перегибов в этом отношении, мы склонны круто и необдуманно обходиться со своими политиками, но без великих предшественников не было бы нашего настоящего. В их опыте есть много поучительного для современности, их победы и поражения освещают наш путь.